

12. Pastukhov, P.S. O razvitiu ugovovno-protsessualnogo dokazyvaniya s ispolzovaniem elektronnykh dokazatelstv / P.S.Pastukhov // Sedmoy Permskiy kongress uch.-yuristov : (g. Perm, 18—19 noyab. 2016 g.) : sbornik nauchnykh statey. — Moskva : Statut, 2017. — S. 558—566.

13. Elektronnye dokazatelstva v ugovovnom sudoproizvodstve : uchebnoe posobie dlya vuzov / S.V.Zuev [i dr.] ; otv. red. S.V.Zuev. — Moskva : Izdatelstvo Yurayt, 2020. 196 s.

14. Chapter on Digital Evidence Gathering. 2014 // International Competition Network. — URL: <http://www.internationalcompetitionnetwork.org/uploads/library/doc1006.pdf> (data obrashcheniya: 06.04.2020).

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2020.

УДК 343.24

С. 51—56

ПРОГРАММЫ ПРИМИРЕНИЯ ПОТЕРПЕВШИХ И ПРЕСТУПНИКОВ, И ПОТЕНЦИАЛ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Корсаков К. В.

Российская академия наук

E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Материал посвящен актуальным проблемам использования программ примирения потерпевших и преступников в современном российском уголовном процессе. Будучи одним из элементов системы восстановительного правосудия, программы примирения, обладают существенным потенциалом, эффективностью и могут быть успешно применены как достойная альтернатива классическому уголовному преследованию по различным категориям преступлений. Автором предложен четырехуровневый алгоритм реализации сконструированной им примирительной программы, базирующейся на практике кругов правосудия. В заключении сделан вывод о необходимости придать программам примирения в России юридические основания и четкую процессуальную форму законодательным путем.

Ключевые слова: программы примирения, восстановительное правосудие, примирение преступников и потерпевших, медиация в уголовном праве, уголовная политика.

RECONCILIATION PROGRAMS FOR VICTIMS AND CRIMINALS AND THE POTENTIAL OF THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN FEDERATION

Korsakov K. V.

Russian Academy of Sciences

E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

The article is devoted to the actual problems of using programs of reconciliation of victims and criminals in the modern Russian criminal process. Being one of the elements of the restorative justice system, reconciliation programs have significant potential, effectiveness and can be successfully applied as a worthy alternative to classic criminal prosecution for various categories of crimes. The author offers a four-level algorithm for implementing the conciliatory program

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00244.

designed by him, based on the practice of the justice circles. In conclusion, it is concluded that it is necessary to give reconciliation programs in Russia a legal basis and a clear procedural form through legislation.

Keywords: reconciliation programs, restorative justice, reconciliation of criminals and victims, mediation in criminal law, criminal policy.

Введение

Проведенный нами в январе-феврале 2020 г. анонимный социологический опрос жителей Свердловской и Челябинской областей по вопросу об эффективности института уголовного наказания и возможности его реформирования (всего нами было опрошено 2008 респондентов) выявил, что жители Среднего и Южного Урала недовольны существующей ныне практикой исполнения уголовного наказания, особенно в плане достижения цели исправления виновного, а также считают, что российская система уголовного правосудия обладает выраженным обвинительным уклоном, она ставит «во главу угла» государственный (публичный) интерес и по-прежнему не учитывает прав и интересов потерпевших. Многие из респондентов, признавшие нам в ходе опроса в том, что они либо их близкие родственники в разное время становились жертвами преступных посягательств, указали на тот факт, что им не были возмещены и заглажены материальный (имущественный) ущерб, а равно физический и моральный вред, нанесенные и причиненные в результате совершения противоправного акта, а их личное мнение не было учтено судебными органами в процессе судопроизводства, включая стадию избрания делинквентам мер юридической ответственности (это сформировало у них негативное впечатление о действующей в Российской Федерации системе уголовного преследования).

Последнее обстоятельство заставляет вновь задуматься о проблеме введения в сферу уголовной юстиции восстановительного правосудия (модели посредничества или медиации) и реализации в России такой его наиболее распространенной формы, как программы примирения потерпевших и преступников (в законодательстве ряда стран мира — конференции потерпевших и правонарушителей). Другим его аспектом выступает необходимость поднятия и решения непростого вопроса о пересмотре телеологических ориентиров и целей уголовного наказания. Известный российский криминолог Д. А. Шестаков в своих работах неоднократно небезосновательно писал о необходимости корректировки целей уголовного наказания в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации с выделением среди них такой

немаловажной цели, как реституция (восстановление нарушенного преступлением положения потерпевшего) [3, с. 59].

Однако сверка и корректировка целей и задач уголовного наказания в тексте действующего уголовного законодательства, безусловно, не самое главное: гораздо важнее сделать современную «зачерстевшую» правоприменительную практику более чуткой к переживаниям и чаяниям потерпевших и «рикошетных» жертв; как мудро сказал Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к собравшимся в Большом театре на торжественном собрании, посвященном пятилетию ВЧК: «Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим бедствие, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце» [9, с. 112]. С такими словами трудно не согласиться, однако уголовно-процессуальное законодательство с присущими ему «сухостью» и формализмом естественным образом ограничивает отношения подобного рода [2, с. 14]: они нуждаются в особых формах обеспечения и реализации, и выход из сложившейся сегодня ситуации можно найти в институционализации и широком применении в России программ примирения потерпевших и преступников.

Постановка проблемы

Примирительные программы обладают подтверждаемым специалистами антикриминальным и профилактическим потенциалом [8, с. 5—7], заметной эффективностью в устранении и предупреждении конфликтов, существенными преимуществами для потерпевших при формировании условий при защите их прав и законных интересов и для преступников при определении параметров их личной ответственности. Причем данные преимущества затрагивают как социально-юридические аспекты, так и морально-психологические составляющие. Последним, несмотря на то, что в ныне действующем российском уголовном законодательстве продекларировано, что при назначении наказания учитывается личность виновного, на практике уделяется мало внимания, опять же ввиду отсутствия необходимых для этого обеспечительных норм и механизмов, которые

есть в других государствах: в частности, польский законодатель с учетом психологических особенностей женщин, одной из которых является привязанность к семьям и дому, закрепил в Уголовном кодексе Республики Польша 1997 года правило о том, что женщины обладают правом отбывать уголовное наказание вблизи их места жительства.

Реализация примирительных программ не подменяет собой судоговорение и не нарушает конституционный принцип осуществления уголовного правосудия исключительно судом, а выполняет вспомогательную функцию в процессе восстановления социальной справедливости в глазах потерпевшего и его окружения, заглаживания и нейтрализации негативных последствий, вызванных преступным деянием. Посредством реализации примирительных программ возможно минимизировать не только материальные последствия криминального акта, но и сгладить негативные психологические эффекты и состояния, которыми нередко обременены жертвы преступлений и их родственники, привлекаемые к самому активному и непосредственному участию в процедурах примирения с виновным в конструктивных диалоговых форматах, позволяющих всем сторонам конфликта прийти к консенсусу и взаимопониманию, а преступнику полностью осознать свою вину и заглавить ее оптимальным образом.

Программы примирения преступников и потерпевших относятся к одному инструментов модели восстановительного (реституционного) правосудия или, как ее еще называют в криминологической литературе, модели медиации (примирения, посредничества), которая вбирает в себя и другие средства разрешения криминальных конфликтов. К таким средствам также относятся семейные конференции, законодательно закрепленные сегодня на территории Новой Зеландии, группы поддержки жертв правонарушений, круги примирения (заботы, правосудия) — программы медиации, реализующиеся в наши дни в Великобритании, Канаде и США — стране, где уже на протяжении длительного времени большое внимание уделяется именно защите прав и интересов жертв преступлений [6, с. 1728], — и зиждущиеся на обычаях и традициях алгонкинов — коренных индейских народов Северной Америки, и т. н. диалоговые программы, использующиеся в отношении оставшихся в живых жертв покушений на убийство, террористических актов, похищений, бандитских нападений, разбоев и уже осужденных за эти преступления преступников.

Базовая идея модели примирения удачно отражена в тексте Стандартов восстановительной

медиации, которые были разработаны и утверждены Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации 17.03.2009 г.: «идея восстановительного правосудия состоит в том, что всякое преступление должно повлечь обязательства правонарушителя по заглаживанию вреда, нанесенного жертве». Международными нормативными актами, посвященными восстановительному правосудию, в наши дни являются Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 г., Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, принятые Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24.07.2002 г. и Рекомендация № R (99) 19 «О медиации в уголовных делах», утвержденная Комитетом министров Совета Европы 15.09.1999 г.

Примечательно, что Декларация 1985 года содержит следующее указание: «в тех случаях, когда это необходимо, следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров, включая посредничество, арбитраж и суды обычного права или местную практику, с тем чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения потерпевшим», а положения Рекомендации 1999 года определяют примирение как «процесс, в результате которого потерпевшему и делинквенту предоставляется возможность в добровольном порядке прийти к миру и согласию при помощи беспристрастной третьей стороны и принять активное участие в решении проблем, появившихся в результате совершения преступления». В тексте пояснительной записки к Рекомендации 1999 года подчеркивается, что «примирение может проводиться в прямой или в непрямой формах, с участием профессиональных медиаторов либо специально обученных добровольцев, в рамках уголовного судопроизводства или в рамках другой модели, независимо от законодательно закрепленного порядка рассмотрения и разрешения уголовных дел».

В настоящее время процедуры медиации (восстановительной юстиции) по уголовным делам законодательно закреплена в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Австрии, Бельгии, Норвегии, Финляндии, Чехии и Польше. По мере гуманизации уголовной политики в разных странах мира они становятся все более востребованными. В большинстве государств эти процедуры не являются альтернативой уголовному преследованию и примирение сторон в случаях

совершения тяжких и особо тяжких преступлений не будет считаться основанием для прекращения уголовных дел, однако в отношении отдельных категорий преступников, в частности, несовершеннолетних, медиация может выступать альтернативой уголовному преследованию: при положительном итоге процесса примирения с потерпевшим и ответственном исполнении всех взятых после него обязательств, уголовное преследование несовершеннолетнего прекращается. Также с учетом результатов примирительного процесса к молодым людям, нарушившим закон, могут быть применены альтернативные изоляции от общества меры: внушение (порицание), родительский (или опекунский) надзор, надзор молодежной организации либо кураторский надзор (кураторами при таком виде надзора выступают работники социальных служб) или же суд может отсрочить назначение уголовного наказания на время возмещения ущерба.

Процедуры медиации в иностранных государствах разнятся в зависимости от особенностей судопроизводства по уголовным делам. В то же время всех их объединяет общая задача — максимальное заглаживание негативных последствий преступного акта и исправление правонарушителя, однако не лишения его свободы либо иными карательными способами, а при помощи воздействия на него с целью вызвать деятельное раскаяние, сочувствие к потерпевшей стороне и нежелание совершать преступления впредь [1, с. 20].

Как верно полагает Н. С. Шатихина, «существование в чистом виде как «карательного», так и «восстановительного» правосудия невозможно. Все эти модели не являются антагонистами. Только при их гармоничном сочетании возможно эффективное осуществление уголовной политики государства» [10, с. 11]. Модель примирения не может полностью заменить собой классическую («карательную») модель уголовного правосудия и не является универсальным средством в общественном реагировании на проявления явления преступности: она не должна применяться за совершение преступлений из категории особо тяжких, область ее использования ограничена воздействием на не представляющих большой опасности для социума преступников, которые не являются опасными или особо опасными рецидивистами, не относятся к последовательно-криминальному типу преступников, поддаются исправлению и, что главное, сами хотят реабилитироваться в глазах общества, загладить свою вину, возместить нанесенный ими вред и добросовестно соблюдать все условия примирительных программ.

Пути решения проблемы

Выбор того или иного медиативного ресурса в разных странах мира предопределен их демографическими, социально-правовыми, национальными, религиозными и историческими особенностями. Так, например, семейные конференции наиболее эффективны в тех государствах, в которых сохранились явления, присущие общинно-родовому (тейповый, клановый) строю в социальной организации, и сильные семейные традиции в быту, а также в странах с развитой системой органов ювенальной юстиции [7, с. 103—104]. Для современной России — как большой по территории, многонациональной, поликонфессиональной и мультикультурной державы, — на наш взгляд, будет полезен, оптимален и эффективен североамериканский опыт кругов примирения (правосудия, заботы) как наиболее гибкий и восприимчивый к видоизменениям: с опорой на него можно составлять и реализовывать примирительные программы в различных регионах нашей страны с учетом местной специфики.

В настоящее время в Северной Америке используется несколько вариантов кругов примирения (Sentencing circles), которые отличаются по этапам (стадиям) проведения, составу участников, целям и задачам, функциям и ролям участников и т. д. В частности, во всех провинциях Канады и ряде штатов США (Вермонт, Висконсин, Колорадо, Мичиган, Огайо, Орегон и др.) в отношении преступников, которые совершили насильственные преступления против половой свободы и неприкосновенности (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и т. д.), используются круги «поддержки и ответственности», успехи реализации которых привели к их заимствованию в Великобритании. Не все они одинаково эффективны и подходят для российских условий [5, с. 117].

Нами предлагается к внедрению в российскую практику медиации в виде пилотного (экспериментального) проекта следующий вариант примирительной программы, основывающийся на опыте кругов правосудия и предполагающий алгоритм последовательных действий, который включает четыре базовых уровня («круга», фазы или этапа). Основным и безоговорочным требованием для начала использования данной примирительной программы выступает полное признание правонарушителем своей вины и желание ее загладить. Также виновный не должен обладать психическими расстройствами или же быть наркозависимым. Преступник сам может инициировать процедуру примирения

в формате кругов правосудия, обратившись к потерпевшему и посредникам лично или через своего адвоката.

На первом уровне реализации такой программы рассматривается вопрос о целесообразности использования кругов правосудия для разрешения возникшего конфликта: возможно, что они неприменимы к конкретному случаю или есть другой, более оптимальный, способ примирения сторон. На втором уровне организаторами (медиаторами) осуществляется тщательная, детальная подготовка примирительного процесса (определение субъектного состава (помимо жертвы и преступника могут быть приглашены третьи лица), места, времени будущей встречи и пр.) и проводятся предварительные беседы с участниками конфликта. Цель таких предварительных бесед — уточнить все детали и нюансы предстоящих мероприятий, точно определить, что жертва и преступник ожидают от процесса примирения, а равно убедиться, что эти ожидания реальны и достижимы. Обе стороны конфликта должны получить от организаторов всю необходимую им информацию о предстоящей примирительной процедуре. При этом медиаторам надлежит быть объективными, беспристрастными, относиться ко всем участникам подчеркнуто уважительно и действовать в интересах обеих сторон, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них.

Третий уровень представляет собой всестороннее обсуждение возникшей проблемы: обстоятельств, фактов, аргументов и мнений сторон. По его итогам организаторы суммируют и обобщают все высказанные мнения и пожелания, а при необходимости могут провести дополнительное обсуждение для того, чтобы позиции участников совпали по всем значимым вопросам. Медиаторы могут советовать и предлагать сторонам различные способы урегулирования конфликта, однако не вправе навязывать им какое-либо заранее заготовленное решение, так как последние должны прийти к нему самостоятельно. Таким образом, на третьем «круге» осуществляется конструктивный диалог между всеми участниками примирительного процесса, направленный на формирование и принятие взаимовыгодного, консенсусного соглашения — итогового документа, который составляется медиаторами в письменном виде и подписывается сторонами. Он регулирует отношения между делинквентом и потерпевшим по нейтрализации последствий преступного деяния (содержит договоренности по дальнейшему

взаимодействию сторон, формам, порядку, размерам и срокам возмещения вреда и восполнения потерь, помощи жертве в преодолении негативных эффектов, порожденных преступлением и пр.).

На четвертом, заключительном, уровне реализации примирительной программы осуществляется выполнение условий достигнутого соглашения с последующим внимательным контролем и фиксацией со стороны организаторов и, после выполнения всех оговоренных и закреплённых условий, проводится итоговая встреча, знаменующая конец процедуры примирения. Невыполнение условий итогового соглашения влечет для преступника последствия в виде рассмотрения уголовного дела в стандартном судебном порядке с последующим применением к нему мер уголовной ответственности вплоть до лишения свободы.

Заключение и выводы

Нельзя не согласиться с мнением А. А. Ширкина о том, что применение в Российской Федерации примирительных программ при разрешении уголовно-правовых конфликтов требует особой правовой регламентации и юридической проработки стандартов, требований и условий их использования [11, с. 18]. В этой связи рядом других отечественных авторов (В. В. Дубровин, Л. М. Карнозова и др.) предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации специальной главой, посвященной вопросам проведения примирительных процедур [4, с. 477].

В 2020 году Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека планируется представить на обсуждение проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», который направлен на расширение возможности использования примирительных процедур в российском уголовном правосудии и предполагает целый блок соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ.

Поддержка данных законодательных инициатив представляется нам крайне важной и злободневной, так как это позволит программам примирения получить прочную правовую основу и четкую процессуальную форму, упорядочивающую проведение всех примирительных процедур и дальнейшие действия по контролю за реализацией их результатов.

Список литературы

1. Айретсен, И. Медиация (посредничество) в случаях тяжких преступлений / И. Айретсен, Х. Зер // Вестник восстановительной юстиции. — 2001. — № 3. — С. 17—30.
2. Алексеев, С. С. Советское право как система: методологические принципы исследования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. — 1974. — № 7. — С. 11—18.
3. Данилов, А. П. Криминология: Россия и Мир / А. П. Данилов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2018. — 328 с.
4. Карнозова, Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество : опыт парадигмального анализа / Л. М. Карнозова. — Москва : Р. Валент, 2010. — 478 с.
5. Козаченко, И. Я. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. — Москва : Юрайт, 2019. — 277 с.
6. Майоров, А. В. Международный опыт защиты жертв преступлений / А. В. Майоров // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной конференции / отв. за вып. С. Д. Ваулин. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014. — С. 1726—1731.
7. МакЭлри, Ф. Новозеландская модель семейных конференций. Восстановительный подход в работе с несовершеннолетними правонарушителями (зарубежный опыт) : методическое пособие / Ф. МакЭлри. — Москва : Полиграф сервис, 2005. — 203 с.
8. Попаденко, Е. В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве / Е. В. Попаденко. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 139 с.
9. Христофоров, В. С. История советских органов госбезопасности 1917—1991 гг. : учебное пособие / В. С. Христофоров. — Москва : изд. РГГУ, 2015. — 438 с.
10. Шатихина, Н. С. Институт медиации в российском уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шатихина Наталья Сергеевна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2004. — 25 с.
11. Ширкин, А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ширкин Антон Александрович ; Рос. таможен. акад. — Люберцы, 2015. — 30 с.

References

1. Ayretsen, I. Mediatsiya (posrednichestvo) v sluchayakh tyazhkiх prestupleniy / I. Ayretsen, Kh. Zer // Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii. — 2001. — № 3. — S. 17—30.
2. Alekseev, S. S. Sovetskoe pravo kak sistema: metodologicheskie printsipy issledovaniya / S. S. Alekseev // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1974. — № 7. — S. 11—18.
3. Danilov, A. P. Kriminologiya: Rossiya i Mir / A. P. Danilov. — Sankt-Peterburg : [b. i.], 2018. — 328 s.
4. Karnozova, L. M. Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo : opyt paradigmalnogo analiza / L. M. Karnozova. — Moskva : R. Valent, 2010. — 478 s.
5. Kozachenko, I. Ya. Kriminologiya : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta / I. Ya. Kozachenko, K. V. Korsakov. — Moskva : Yurayt, 2019. — 277 s.
6. Mayorov, A. V. Mezhdunarodnyy opyt zashchity zhertv prestupleniy / A. V. Mayorov // Nauka YuUrGU : materialy 66-y nauchnoy konferentsii / Otv. za vyp. S. D. Vaulin. — Chelyabinsk : Izd. tsentr YuUrGU, 2014. — S. 1726—1731.
7. MakElri, F. Novozelandskaya model semeynykh konferentsiy. Vosstanovitelnyy podkhod v rabote s nesovershennoletnimi pravonarushitelyami (zarubezhnyy opyt) : metodicheskoe posobie / F. MakElri. — Moskva : Poligraf servis, 2005. — 203 s.
8. Popadenko, Ye. V. Primenenie primiritelnykh protsedur (mediatsii) v ugolovnom sudoproizvodstve / Ye. V. Popadenko. — Moskva : Yurlitinform, 2016. — 139 s.
9. Khristoforov, V. S. Istoriya sovetskikh organov gosbezopasnosti 1917—1991 gg. : uchebnoe posobie / V. S. Khristoforov. — Moskva : izd. RGGU, 2015. — 438 s.
10. Shatikhina, N. S. Institut mediatsii v rossiyskom ugolovnom prave : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Shatikhina Natalya Sergeevna ; Sankt-Peterburgskiy gos. un-t. — Sankt-Peterburg, 2004. — 25 s.
11. Shirkin, A. A. Mediatsiya kak napravlenie razvitiya instituta primireniya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii : spetsialnost 12.00.09 «Ugolovnyy protsess» : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Shirkin Anton Aleksandrovich ; Ros. tamozhen. akad. — Lyubertsy, 2015. — 30 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.05.2020.